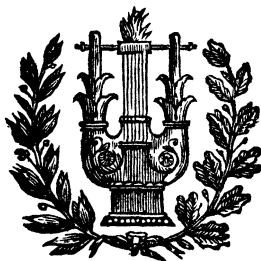

О П Ы Т Ы

АЛЕКСАНДРА ШИШКОВА 2 - го ,

1828 ГОДА.

М О С К В А .

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1 8 2 8 .

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія, куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Марта 18 го дня, 1828 года. *Цензоръ П. Гаевскій,*

О Т Р Ы В О К Ъ

ИЗЪ ОПИСАТЕЛЬНОЙ ПОЕМЫ

Л ó н с к о й.

Уже изгнанникъ добровольный,
Среди угрюмыхъ, дикихъ скаль,
Примѣтно Лѳнскою забываль
Забавы жизни своевольной.
Военный шумъ, и грохотъ бурь,
И Горцевъ дикіе набѣги,
И неба чистаго лазурь,
И горъ नेताющіе снѣги
И все, все нравилось ему,
Все къ чувствамъ свѣжимъ пробуждало,
И безпокойному уму
Все пищу новую давало.
Когда на упомянутый спань
Ночной опустится тумань,
И все утихнетъ — топотъ конскою
И вѣстникъ брани барабанъ:

Въ шатрахъ Татарскихъ внемлешь Лѳнскоѳ
 Суровыхъ чадъ Кавказскихъ горъ
 Всегда заняпный разговоръ ;
 Ихъ непріязненные нравы
 Читаешь въ черныхъ ихъ глазахъ ,
 Въ движеньяхъ , въ поступѣ , въ словахъ
 И въ буйномъ шумѣ ихъ забавы.
 Чеченець золь : его рука
 Приучена къ убійствамъ тайнымъ ,
 Любовь отъ сердца далека ;
 Онъ страшень пушникамъ случайнымъ :
 Коварство , месть — его законъ ;
 Чеченцу не знакома жалость ,
 И гордо презираешь онъ
 Труды и тяжкую усталость .

И Лѳнскоѳ на закатѣ дня
 По мирному Аулу бродить .
 Охъ входить въ саклю : у огня
 Семью Чеченскую находить .
 На стѣнахъ блещуть здѣсь и тамъ ,
 Между посудой домашней ,
 Ружье , ужасное врагамъ ,
 И енушиикъ хищника всегдашній —
 Кинжалъ . Чеченець чистишь спаль ,

Жена пилавъ приготавлиаешь ,
 И въ сердцѣ скрытую печаль
 Унылой пѣсней прогоняешь .
 Она все помнишь , какъ во снѣ ,
 О ихъ свободной старинѣ .

Чеченская пѣсня .

„Садися , мужъ мой , на коня ;
 Осѣдланъ конь моею рукою ;
 Садись , мой мужъ , — свѣшило для
 Потухнешь скоро за горою .

Бѣлюшь ставки козаковъ ,
 Браги живутъ на сунжѣ нашей ,
 И пьютъ Гяуры , полной чашей ,
 Чеченцевъ пламенную кровь .

Ударь на нихъ , и шашкой смѣло
 Гостей незваныхъ опрази ,
 А мнѣ , мой мужъ , мнѣ черепъ бѣлой
 Въ подарокъ съ бишвы привези .“

* * *

Исчезла буйная свобода
 Кавказа дерзостныхъ дѣшей ,
 Какъ исчезаетъ непогода

При блескъ солнечныхъ лучей.
 Приосѣнилъ орелъ двуглавый
 Вершины исполинскихъ горъ ,
 И на гранитѣ мечь кровавый
 Изсѣкъ Кавказу приговоръ.
 Пройдутъ года : Чеченецъ взглянетъ
 На сраль забытую отцевъ ,
 И на щекахъ не вспыхнетъ кровь ,
 И славы прежней не вспомнитъ ;
 Лишь иногда , Чеченка мать ,
 Дитя качая въ колыбели ,
 Безпечно будешь напѣвать
 Чшò въ старину бывало пѣли ;
 Лишь изрѣдка спарикъ въ слезахъ
 Напомнитъ внукамъ безъ вниманья
 О лучшихъ , прежнихъ временахъ
 Давно забытыхъ преданья.

* * *

Оставилъ Лóнской наконецъ
 Чеченцевъ дикіе предѣлы ,
 Гдѣ часто онъ съ улыбкой смѣлой
 Въ бою привѣтствовалъ свинецъ.
 Предъ нимъ , на небосклонѣ ясно
 Блѣнешъ рядъ высокихъ горъ ;

На ихъ величїи прекрасномъ
 Онъ останавливаетъ взоръ.
 Прелесненъ видъ природы дикой,
 Громады камней вѣковыхъ ;
 Какъ оставъ страшный и великой ;
 Въ ущельѣ узкомъ между нихъ
 Прорывши силой бѣгъ свободный ,
 И камни цѣлые капля ,
 Кавказа буйное дитя
 Несется , — Терекъ многоводный :
 Все грозно , дико ; лишь порой
 Тамъ видѣнъ караванъ пустынный ;
 Лишь слышенъ голосъ заунывной
 Несстройной пѣсни за горой ;
 И рѣдко со скалы высокой
 Свободы безпрїюшный сынъ
 На пушника уставивъ око —
 Уединенный Асешинъ.

* * *

Когда , измученный спраданьемъ ,
 Волненьемъ пламенныхъ страстей ,
 Холодной завистью людей
 И долгиимъ , щепнымъ ожиданьемъ
 Благословенныхъ , ясныхъ дней ,

Нещастный вдругъ познаешь радость ,
 Печальнымъ сердцемъ опдохнешь ;
 Онъ забываетъ тягость бѣдъ ,
 Его превожившую младость :
 Такъ Лѳнскою , съ радостной душой ,
 Увидѣль вдругъ съ горы Крешовой
 Луга , цвѣшущіе красой ,
 И небосклонъ , и воздухъ новой.
 За нимъ громады вѣчныхъ льдовъ ,
 Снѣга , и надъ горами горы ;
 Предъ нимъ на бархатъ луговъ
 Цвѣшны усмаприваютъ взоры ;
 Тамъ рдѣють персикъ и гранадъ
 Въ близи развѣсистой черешни ,
 И обвѣваетъ воздухъ вешній
 Янтарный сладкій виноградъ .

* *
*

Страна ! гдѣ щедрая природа
 Дала обильною рукой
 Всѣ блага роскоши земной
 Для недостойнаго народа ,
 Арагвы шумной берега !
 Сады Кахетіи небесной !
 Коснешся-ль вновь моя нога

До вашей зелени чудесной ?
 И скоро-ль лѣпнею порой ,
 Склонясь подъ персикъ ароматный ,
 Засну дремошою пріятной
 На груди бѣлой , благодатной
 Моей Грузинки молодой ?

* * *
 *

Нашъ пупникъ видишь предъ собой
 И стѣны и дарбазы Мцхета ;
 Ихъ шайной облекли свяшой
 Давно исчезнувшія лѣта.
 Жилище древнее Царей , —
 Оплошь Иберіи прекрасной !
 Тамъ , близъ остатковъ олшарей ,
 Владыкъ исплѣвшихъ прахъ безгласной ;
 Гробницы мохомъ поросли ,
 И облечены въ мракъ глубокой ,
 Полезные дають уроки
 Живымъ власпишелямъ земли. —

ГЛАСЪ СТРАДАЛЬЦА

Прекрасенъ міръ швой , Боже сильный ,
Но не для всѣхъ прекрасенъ міръ !
Взгляни , я бѣденъ , нагъ и сирь ,
Взгляни , я оставъ домогильный ;
Мнѣ слезы пища съ юныхъ лѣтъ ,
Мнѣ на землѣ приюта нѣтъ !
Какъ лань пущынную въ долину
Пугаетъ звонкій гуль роговъ :
Такъ , робкій , шрепешу я нынѣ
Ошъ клеветы моихъ враговъ .
Ты Боже самъ меня создалъ !
Ты влилъ въ меня огонь ефирный
И къ цѣпи чудной и всемірной
Могущимъ словомъ приковалъ .
Яви же нынѣ мощь свяшую ,
Источникъ вѣчный бытія !
Ты видишь съ неба въ ночь глухую
На черномъ камнѣ муравья ,
И въ бурю при разкатахъ грома
Его ты слышишь шелестъ ногъ ;
Меня-ль , спрадаными гнѣптома ,
Ты не услышишь , вѣчный Богъ !

Щ. . . У.

Дай руку мнѣ , товарищъ мой ;
Пойдемъ , пойдѣмъ на встрѣчу рока !
Поставимъ твердою душой
Прошивъ завистника порока
Дѣла блестящія собой.
И вѣрь мнѣ , зависть оробѣетъ
Предъ добродѣтелью прямой ,
Какъ ночь осенняя блѣднѣетъ
Передъ румяною зарей. —

Х. . . . . У.

Такъ , другъ мой , такъ , безсмертенъ пошь ,
Кто Богомъ обречень для славы ,
Чей духъ какъ яворъ величавый
Не сокрушимъ ошь непогодъ .
Его удѣль , въ развратѣ вѣка , —
Гоненье , ненависть , укоръ ;
Но вѣрь мнѣ , вѣчно свѣтелъ взоръ
Съ душой безстрашной человекъ !
И въ униженъи онъ великъ : —
Сократъ въ послѣднюю минушу
Душою швердой не поникъ ,
И выпилъ весело цикушу .
Ему-ль предъ смертью препешать ?
Онъ гордъ , онъ жалости не просишь ;
Великой истины печашъ
Онъ на челѣ высокомъ носишь ,
И славы грозныя дѣла
Въ вѣкахъ грядущихъ онъ чишаешь ,
И зависть и ехидну зла
Ногой безвредно попираешь .

Е Р М А К Ъ,
П О В Ъ С Т Ъ.

I.

СТРАШЕНЬ ЕРМАКЪ.

Твой мечь остёръ , стрѣла мѣшка ,
Ты вносишь смерть и гибель въ стѣчу ;
Но сжался , не ходи на встрѣчу
Булатной саблѣ Ермака !
Онъ золь , страшна его рука ,
Его душа неумолима !

Завѣшь напрасный , дѣва Крима !
Татаринъ смѣль : изъ бѣлыхъ рукъ
Онъ взялъ стрѣлу и звонкій лукъ ;
Онъ обѣщаль подругѣ сердца
Копье , иль панцырь иновѣрца ;
Онъ полетѣль грозою въ бой ;
Онъ съ Ермакомъ извѣдалъ силы ,
Вздвогнулъ подъ саблей роковой
И поздно вспомнилъ голосъ милый.
Но не одинъ погибъ Ахмашъ ;

Онъ не одинъ , краса Гюльнара !
Взгляни : Кургановъ длинень рядъ ;
Они безмолвно говорятъ
О силѣ грознаго удара. —

II.

О Ж И Д А Н Ь Е.

Упихъ , заснулъ козачій спанъ ,
Безмолвно все до бишвы новой ;
Сложивъ копье - булашь , арканъ ,
Всегда идешь , всегда гошовый ;
При нихъ заснулъ козакъ суровый.

Не спишь Ермакъ : пылаешь взглядъ ,
Но мраченъ видъ его унылый.
Такъ въ ночь осеннюю горяшь
Во тмѣ небесныя свѣпилья.
Одинъ въ наметѣ , робко онъ
Внимаешь мерпвому безмолвью
И щешно благопворный сонъ
Зовешь , приникнувъ къ изголовью.
Ермакъ , Ермакъ ! когда въ бояхъ ,
Какъ метеоръ , какъ лзва злая ,
Твоей руки смерпельный взмахъ
Губиль сыновъ чужаго края ;

Когда пропивныхъ разсыпая ,
Ты пироваль на ихъ косяхъ :
Мечталъ ли ты , чтобъ шумъ случайный
Тебя вздрогнуть заставишь могъ ?
Тебя пугаль ли говоръ тайный ,
И оспорожный шелестъ ногъ ?
Почтожь шеперь , въ близи намета ,
Послышавъ тихій гласъ привѣта
И для тебя лишь внятный шумъ ,
Забывъ поску тяжелыхъ думъ ?
Вздоргнулъ , — и блѣдный , шоропливый ,
Спѣшишь прочестъ въ глазахъ рабы
Опвѣтъ желанный и щасливый ,
Иль приговоръ твоей судьбы.

Ш.

ПИСЬМО ТЕАРЫ.

Ермакъ ! ужасно преступленье !
Что предложилъ ты мнѣ ? — позоръ !
Гдѣжь дружбы прежней договоръ ,
И къ беззащитной уваженъ ?
Не ты ли самъ хотѣлъ щадить
Невинной спраси заблужденъ ?
Мнѣ суждено тебя любить ;
Но ты , Ермакъ , ты мнѣ защища
Онь сердца , онь себя самой : —
Люблю тебя , передъ тобой
Душа невинная открыта ;
Ты пощадишь мою боязнь
И. мыслей дѣтскихъ упоенье . . . .
Люблю тебя ; съ тобой и казнь
Была-бъ мнѣ жизнь и наслаждение !
Но что ? тебя-ль бояться мнѣ ?
Нѣтъ , лести мой Ермакъ не знаетъ ;

Кто страшень сильнымъ на войнѣ,
Топь слабыхъ дѣвъ не поражаетъ.
И шакъ швоя, швоя, Ермакъ,
Клянусь, по гробъ швоя Теара. . . .
Когда ночной прояснишь мракъ,
Я жду тебя подъ шѣнь Чинара.

IV.

С В И Д А Н Ь Е.

Нещасливъ потъ, кому любовь
Не улыбалась въ жизни скучной !
Щасливъ кто спалъ среди цвѣшовъ
Съ подругой жизни неразлучной ,
Съ молодой посланницей боговъ ,
Восторгъ любви , души порывы !
Ермакъ въ забвеньи васъ узналъ ,
Когда одинъ , неперпѣливый ,
Теару къ сердцу прижималъ ,
Въ глазахъ волшебницы невинной
Чисалъ довѣрчивый покой ;
Сгарая, шрепешной рукой
Перебиралъ косою длинной ,
Дыханье устъ въ себя впивалъ ,
Желанья скрытаго признание
И груди полной колыханье
Кипящей грудью измѣрять. —

~~~~~

V.

Х О Р Л У.

За чѣмъ измѣна оправила
Любви — забвенья краткій часъ ?
За чѣмъ, щаспливцы, васъ не скрyla
Густая ночь опъ чуждыхъ глазъ ?

Успавъ, предавшись бранной нѣгѣ,
Теары брашь вкушаетъ сонъ ;
О новой бившѣ, о набѣгѣ,
Еще во снѣ мечшаетъ онъ : —
То лукъ свой мѣткій напрягаетъ,
То вдругъ громитъ враждебный станъ,
То взброся гибельный арканъ,
Добычу быстро увлекаетъ ;
И тѣшитъ грозная мечта
Въ ночи досугъ его суровый,
И вызовъ смерти дашь гошovy
Полуотверзшыя уста.

~~~~~

VI.

И З М Ъ Н А.

Предъ нимъ раба. Хорлу внимаетъ
Признанья хитраго словамъ : —
„Ты спишь Хорлу , а спыдь и спрямъ
Главы безстрашныхъ покрываетъ ;
Отмсти , всему виновная ,
Отмсти рабъ твоей послушной ;
Я здѣсь спокойно , равнодушно
Умру на остріѣ копья . . . .
Но прежде . . . . тамъ — въ тѣни Чинара
Ермакъ . . . съ нимъ робкая Теара ;
Они одни , Хорлу , спѣши ,
Промедлишь мигъ одинъ опасно ;
Но естли поздно , потуши
Твой гнѣвъ въ крови моей несчастной !“
Хорлу возпрянулъ : — жажда зла ,
И кровь въ глазахъ его пылала ,
Казалось молча выльшали
Изъ усть проклятье и хула.

VII.

И Х Ъ Н Ъ Т Ъ.

Проснулся день, — наметы въ врахъ ;
Къ набѣгу вспрянуль спань козачій ;
Гошова все искашь въ бояхъ
Добычи, смерти, иль удачи.
Столпяся дружно, козаки
Высмаприваюшь знакъ условной,
Ждушь мановенія руки. . . . .
Все неподвижно, все безмолвно.
И день потухъ — и снова мракъ ;
Часы бѣгутъ, часы несутся.
Но гдѣ Хорлу, но гдѣ Ермакъ ?
Въ чужихъ рукахъ ихъ кони бьются. . . .

Вожди безстрашныхъ козаковъ !
Гдѣ ваша власть, гдѣ вапа сила ?
Хорлу, удѣль ли швой могила ?
Ермакъ, шебъ-ль опредѣлила

Судьба позоръ и звукъ оковъ ?
Но ты не жаждаль смерти друга
И чуждъ душѣ пвоей упрекъ ;
Онъ самъ , Хорлу , онъ самъ пришекъ ,
Какъ язва грознаго недуга. —

VIII.

ОНЪ РАБЪ.

Ермакъ въ цѣпяхъ : подземный хладъ
Тлѣтворной смертью въ душу вѣсть ;
Желѣза тяжкія гремятъ ,
Тоска на сердце шлагошѣтъ.
И мыслишь онъ : о крашкѣй мигъ !
Куда исчезъ ты , призракъ щастья ?
Впервые радость я постигъ
Подъ лучей грознаго ненастья !
Исчезло все — мечты любви ,
Младыхъ надеждъ и шумной славы.
О сонъ ! повѣй , возобнови
Мои прошекшія забавы.

IX.

ОТСТУПЛЕНЬЕ.

Ужасень въ дебри лѣпнѣй зной ;
Но часто пухникъ, утомленный
Сяпей безплодной пустошой ,
Измучень солнцемъ , въ жаръ полдневный
Пріятной тѣшился мечтой.
Онъ видишь въ мысляхъ тѣнь густую ,
Туда онъ мчится отдохнуть ;
Онъ плещеть влагу ключевую
На разпалившуюся грудь.
Ему мечта прохладой вѣетъ
Въ дыханьи легкою вѣперка ;
Онъ пѣнишь волны . . . но рука
До раскаленного песка
Коснулась , вздрогла , — онъ нѣмѣетъ ;
Онъ палъ , онъ жаждетъ смерти злой ,
И вновь обманчивой мечтой
Утѣшитъ сердца не умѣетъ.
Надежда счастья ! не тебля-ль

Когда - то мысль моя пишала ?
Не пы-ль младому жизни даль
Въ роскошныхъ краскахъ рисовала ?
Волшебница ! гдѣжь скрылась ты ?
Осталось мнѣ одно страданье , —
Какой-то звукъ моей мечшы ,
Невяжное воспоминанье .

Х.

Г Д Ъ Ж Е О Н Ъ ?

А ты, дружина Ермака,
Ты не услышишь гласъ знакомый;
Его безспрашная рука
Передъ тобой не броситъ громы
Въ Татарскій станъ, въ толпы враговъ;
И въ часъ свободный, опдыхъ битвы,
Его не будетъ слышанъ зовъ;
Онъ не помчитъ на пиръ ловитвы
Своихъ послушныхъ козаковъ.
И гдѣжь онъ, гдѣ? никто не знаетъ;
Тоска въ дружинѣ боевой;
Лишь шопотомъ молва, порой,
Изъ устъ въ уста перелѣтаетъ:
»Ермакъ любилъ, Ермакъ пылалъ;
Въ тиши ночной, во мракѣ ночи
Теару къ сердцу прижималъ
И цѣловалъ соколи очи,
Хорлу провѣдалъ, — мечь и злость
Пылали въ сердца; онъ къ Чинару —
Ермакъ съ нимъ въ бой; незванный гость

Подвергся самъ его удару.
 Съ тѣхъ поръ Ермакъ спрадалъ въ цѣпяхъ :
 Безъ пищи , ослабѣвъ опъ жажды ,
 Въ цвѣшущихъ гибнуль онъ годахъ ,
 И смерть ужасная . . . однажды
 Печальной думой угнепѣнь ,
 Безъ чувствъ , безъ призрака надежды
 Ермакъ забылся ; легкій сонъ
 Сомкнуль спрадальческія вѣжды ;
 Онъ спалъ — и вдругъ она предъ нимъ
 Какъ бобъ любви , какъ богъ зацщпы ;
 И слезы шоккомъ дождевымъ
 Кропили блѣдныя ланишы .
 Ермакъ очнулся . . .

Гдѣжь Ермакъ ?

Когда ночной прояснѣлъ мракъ ,
 Молчало все , его не спало .
 Въ темницѣ мрачной тишина ;
 Лишь вѣперъ рѣзкой у окна
 Качаль Теары покрывало ;
 Лишь было видно , какъ ковыль
 Прилегеъ подъ сяжкою ногою ,
 И чуть замѣшной пеленою
 Вдали укладывалась пыль . —

У К Р А И Н А .

Я все люблю въ тебѣ: и злакъ твоихъ полей
И полдень пламенный, и въ роскоши ночей
Пѣвца весенняго на яблонѣ въшвисстой ,
И селы мирныя въ тѣни твоихъ садовъ ,
И запахъ липъ твоихъ, и дѣвъ, и воздухъ чистый,
И пѣсни поселянъ на нивѣ золотистой,
И первую души моей любовь.

ДРУГУ УТѢШИТЕЛЮ.

Тебѣ-ль понять мое мученье
И изсушить источникъ слезъ ?
Къ чему мнѣ дружбы утѣшенье ?
Оно — вечерній лучъ небесъ
И благошворный и оправднй ,
Когда онъ блещеть , серебритъ
Увѣковѣченный гранитъ ,
Но не согрѣеть камень хладный.

Ужь я знакомъ съ моею тоской ,
Я раздружился съ упованіемъ ;
Издавна цѣпью роковой
Ее гонитель геній мой
Связалъ съ моимъ существованьемъ ;
Исчезну я какъ призракъ сна ,
Какъ искра яркая на снѣгѣ ,
Какъ въ шумѣ бранномъ шишина ,
Какъ одинокая волна
Забыта бурею на брегѣ. —

~~~~~

МАДАГОГЪ и БАЯДЕРА, ИНДЪЙСКАЯ ПЪСНЯ.

Не впервые къ намъ слѣшаеть
Царь вселенной, Мадагогъ ;
Съ нами радость раздѣляеть
И печаль могущій богъ ;
Съ нами живь ему опрада,
Міръ идетъ своей чредой,
Онъ караетъ, награжденья
Сыплеть щедрою рукой.

И область земную, какъ странникъ, проходишь,
И сильныхъ смиряешь, и слабыхъ возводишь,
И дальше, и дальше вечерней порой.

Онъ идетъ : — въ концѣ селенья
Передъ нимъ рѣзвись, шутя,
Жертва чувствъ и наслажденья
Появляешся — дитя :
И узналъ онъ Баядеру.
Дѣва странника манишь
Къ наслажденью, къ нѣгѣ томной
Жаромъ пламенныхъ ланишь.

Играешь на арфѣ , кружишься , порхаешь ,
 И бога цѣлуешь , и бога ласкаешь ,
 И полную чашу блаженства сулить ,

И привѣпливо съ собою
 Увлекаешь въ свой приютъ .
 „Опдохни , часы съ тобою
 „Непримѣнно пробѣгушь .
 „Ты усталъ , мой пупникъ милый ,
 „Прислонись къ моей груди ,
 „И утраченныя силы
 „Наслажденьемъ пробуди .

И въ сладкой она о безсмертномъ заботѣ ,
 Льѣешь , и нянчишь , и къ томной дремошѣ
 Безсмертнаго клонишь улыбкой любви .

Но отъ ней услугъ рабыни ,
 Испытуя , хочеть онъ .
 Воля мощнаго — единый ,
 Неизмѣнный ей законъ .
 И покорность дѣвы юной
 Отъ любви не въ далеки ;
 Такъ рождается плодъ румяный
 Изъ цвѣтика на стебелькѣ .

И хочешь безсмертный большимъ испытаньемъ,
 И страстью, и нѣгой, и новымъ желаньемъ
 И новою скорбью ее испыташь.

Въ очи дѣву онъ лобзаетъ,
 Дѣва страсти предалась,
 Дѣва мѣшетъ и вздыхаетъ,
 Дѣва плачетъ въ первый разъ.
 Пламень страсти благородной
 Пробѣжалъ въ ея крови
 И къ ногамъ его склонилась
 Жрица гордая любви.

Ложились грядою ночные шуманы;
 Смолкала природа, и сумракъ желанный
 Готовилъ блаженства златыя часы.

Упомленная заснула;
 И пробилъ полночный часъ,
 И проснулась, и вздрогнула,
 Милый гость ея угасъ! —
 Прахъ его цѣлуешь дѣва,
 Въ хладномъ прахѣ чувства нѣтъ,
 И пылаетъ пламень яркій
 И костеръ его зовешь.

И слуха коснулись печальные клики ,
 И видишь , жрецовъ потянулися лики ,
 И мчится , забывшись , погибшему въ слѣдъ ,

И къ жрецамъ она съ мольбою ,
 Безошрадна и блѣдна :
 Дайте друга , съ нимъ душою .
 Я давно обручена.
 Бога-ль лучшее созданье
 Пламень яркій изстребитъ ?
 Нѣтъ , онъ мой ; мое дыханье
 Друга къ жизни возврашшь !

И просяжнымъ жрецы отвѣчаютъ напѣвомъ ,
 И хладному спарцу , и пламеннымъ дѣвамъ ,
 И юношамъ мощнымъ конецъ предлежитъ .

Ты внемли совѣты наши ,
 Баядера ! — онъ не пвой , —
 Пѣй любовь изъ полной чаши
 Въ цвѣтѣ жизни молодой.
 Ты не связана обѣщаньемъ ,
 Ты погибшему чужда ;
 На костръ съ холоднымъ прахомъ
 Ты погибнуть не должна.

Гремите , священные звуки дрометы ;
Примите , о боги , мольбы и объѣты
Съ добычею хладной всегдашняго сна.

Такъ поешъ ихъ хоръ печальный.
Безъ вниманья и блѣдна.
Быстро въ пламень погребальный
Повергается она. . . . .
Но изъ пламеннаго круга
Поднялся могущій богъ ,
И понесъ младаго друга
Въ свой надоблачный чершогъ.

БАРДЪ НА ПОЛѢ БИТВЫ.

Склонялся день : одинъ съ своей поскою ,
Съ мечемъ зазубреннымъ и лирой боевою ,
Среди друзей , добычи мѣшкихъ стрѣль ,
Печальный Бардъ задумчиво сидѣль .
Его ланишь не орошали слѣзы ,
И персей вздохъ не волноваль ;
Но взоръ пѣвца , какъ взоръ угрозы ,
На трупахъ отдыхаль .
Онъ пережилъ сыновъ своей отчизны ,
И суждено пѣвцу веселыхъ дней —

Свершить обрядъ печальной призны
На трупахъ тлѣющихъ друзей .
И онъ поеть имъ пѣснь прощанья ,
И тихій гласъ его уныль
Какъ въ полночь вѣтра завыванья
Среди чернѣющихъ могиль .
„Погибли вы , дружины славы ,
„Питомцы грозные побѣдъ !
„исчезъ вашъ подвигъ величавый
„Какъ легкій сокола полеть ,

„Какъ въ воздухѣ орлиный слѣдъ ;
 „Я помню васъ въ пирахъ веселыхъ ,
 „На полѣ чеспи помню васъ : —
 „Я гибель злымъ читалъ не разъ
 „На челахъ мстительныхъ и смѣлыхъ ;
 „Но вы погибли , вашъ удѣлъ
 „Въ рукахъ судьбы опяжелѣлъ ! “

Такъ пѣлъ пѣвецъ. Въ его душѣ лежала
 неодолимая шоска ,

И на струнахъ его рука
 Нѣмѣла и дрожала ;
 И року буйственный укоръ
 Изображалъ пѣвца унылый взоръ.

Онъ вамъ завидовалъ , вамъ , падшіе на брани !
 Вамъ , мстители за край своихъ опцовъ !

За иго рабское , за дани
 Благодѣянья пришлецовъ.

И взоръ его воспламененный
 По холмамъ дальнымъ пробѣжалъ ;
 Онъ струнамъ арфы вдохновенной
 Восторгъ душевный передалъ —

Ко мнѣ изъ мрачнаго анда ;
 „Намъ вождь — и мщенье и обида ,
 „И спонь друзей , и слезы женъ ,
 „И угнетенныхъ слабый ропоть ,
 „И побѣдившихъ наглый хохоть ,
 „И нашихъ дѣвъ позорный плѣнь.“
 Пусть бурной не погодой вѣетъ
 Вашъ духъ во вражескихъ рядахъ ;
 Пусть бѣгство спыдъ напечатлѣетъ
 На ихъ безславныхъ знаменахъ !
 Тогда — пѣвецъ побѣдъ и чести —
 На ихъ разбросанныхъ костяхъ
 Прославлю духъ правдивой мести ;
 Родится жизнь въ моихъ струнахъ ,
 И голосъ Барда , голосъ смѣлый
 Изъ края въ край промчитъ молва ,
 И незабвенныя слова
 Услышатъ дальніе предѣлы.

Потухнулъ день , замолкъ пѣвецъ ,
 Воспорженный великой думой ;
 Казалось взоръ его угрюмой
 Искать страдальческій вѣнецъ :
 Онъ вызывалъ погибшихъ къ бипвѣ новой ;

Но вокругъ него сонъ мертвой повѣвалъ ,
И щещно гласъ его суровый
О славъ мертвымъ напѣвалъ (*).

(*) Опрывокъ сей взяшь изъ одного стариннаго Испанекаго романа , содержаніе котораго относится ко времени владычества Мавровъ въ Испаніи.

Г Л . . . . . Ъ.

(И з ъ Л а м а р ш и н а.)

Когда ты въ нѣгѣ сладкой
Сжимаешь руку мнѣ задумчиво рукой ,
Я щаспливь , милый другъ , и мигъ блажен-
ства крапкѣй
Съ невѣроятною проходишь быспрошой ;
Когда обнявъ тебя въ шѣни вѣшвистой ивы ,
Твой каждый вздохъ устами я ловлю ;

Когда мнѣ спраспное люблю
Твердишь швой взоръ краснорѣчивый .

И кляшвы прежнія я повшорю вновь ;

Или когда въ прохладѣ шѣни
Какъ дѣва райская , какъ юная любовь
Ты голову мнѣ склонишь на колѣни ;
И взоръ , мой спраспный взоръ прильнетъ
къ швоимъ очамъ ,
Какъ въ вешній день пчела къ листочку розы :

Тогда , признаюсь ли ? мнѣ груспно ; слезы
Украдкою капятся по щекамъ ;

Я трепещу, смущаюсь и блѣднѣю, —
 И ты поской пугаешься моею;
 Ты ищешь прочитайшь въ глазахъ,

Со вздохомъ нѣжнаго участья,

Причину спрашную грозящаго нещастья;
 Ты говоришь: мой другъ, откуда страхъ?
 Какой ударъ безсмертные наслали?
 Единственный, чистосердечень будь;

Признайся, перелѣй мнѣ въ грудь
 Твою тоску, твои печали.

Не спрашивай меня! Я на груди твоей
 Щаспливъ какъ богъ любовью нашей,
 Я съ устъ и пламенныхъ очей
 Пью наслажденье полной чашей;
 Но въ упоеніи любви,
 Въ живыхъ восторгахъ сладострастья,
 Предвѣстникъ близкаго нещастья —
 Какой-то страхъ живешь въ моей груди.
 Я вѣчно слышу голосъ тайный,
 Онъ неумолкну говоришь,
 Что все пройдетъ, какъ сонъ случайный,
 Что радость сердцу измѣнишь,
 И вмѣстѣ съ жизнью скоротечной

Огнь спраси догоритъ.
Предвѣстникъ страшный, другъ сердечный!
Всегда, вездѣ меня пугаетъ онъ;
И я согласенъ: щасье сонъ,
Когда оно не вѣчно. —

Т Р И С Л О В А
И Л И
П У Т Ъ Ж И З Н И .

„Тяжка мнѣ, спрадалецъ, кручина швоя,
Пріяшно помочь въ огорченьи;
Но помни при слова — въ нихъ шайна мол —
Надежда, готовность, терпѣнье;
„Безъ нихъ ты собьешя съ дороги въ степи,
И цѣли швоей не доспигнешь;
Иль въ мрачной шемницѣ, на шяжкой цѣпи
Печальною жершвой погибнешь.
„Ужь многихъ я видѣлъ въ дремучихъ лѣсахъ,
Всѣ мчались къ шаинственной цѣли;
Но скоро ихъ обнялъ и шрепешъ и страхъ,
И кости гостей забѣлѣли.“
И пушникъ-спрадалецъ свой крестъ лобызалъ,
И дальше пушился въ дорогу;
Онъ помнилъ при слова, ихъ спарецъ сказалъ,
Три слова, пріяшныя Богу.

И пушникъ сокрылся въ шуманной дали ;
Три слова — и въ прахъ привидѣнье ,
И къ цѣли желанной его довели
Надежда , готовность , терпѣнье .

Р О Д И Н А.

Гонимый гнѣвною судьбой,
Давно къ спраданыямъ осужденный,
Какъ я любилъ въ спранѣ чужой
Мечтать о родинѣ священной.
Я вспоминашь о васъ любилъ,
Мои младенческіе годы, —
И юной спраспи первый пылъ,
И вьюга Руской непогоды!

И я опять въ спранѣ опцовъ,
И обнялъ я рукою жадной
Домашнихъ пѣстуновъ боговъ;
Но не привѣшливъ мраморъ хладной,
И не приюпъ родимый кровь!
Простите-жь, сладкія мечшанья
Души обманутой моею;
Какъ сынъ бѣды, какъ сынъ изгнанья,
По зыбкой влажноти морей
Въприламъ легкихъ кораблей
Препоручу мои желанья. —

К О Н Е Ц Ъ.

